

Игорь Николаевич Гребенкин
(Рязанский государственный университет)

Военная бюрократия и революция 1917 года в России

История формирования в России военно-бюрократического аппарата и военно-бюрократической традиции восходит к петровской военной реформе начала XVIII в. Особенно интенсивный характер бюрократизация военного управления приобрела на эпоху Великих реформ второй половины XIX в. Этому способствовала военная реформа Д.А. Милютин, которая вызвала быстрый и неуклонный рост военно-управленческого аппарата всех уровней: от штабов частей и соединений и территориальных военно-административных органов до военного министерства и его структур. К началу XX в. бюрократический инструментарий и методы управления являлись одной из неперенных черт деятельности военного ведомства императорской России.

Неизбежное углубление специализации в области военного управления и администрации привело к формированию особой, немногочисленной, но влиятельной категории военных управленцев, олицетворявшей собой военную элиту новой эпохи – корпуса офицеров Генерального штаба, который представляли лица с высшим военно-академическим образованием, преимущественно выпускники Николаевской академии Генерального штаба (с 1908 г. – Николаевской военной академии). Основными критериями их отбора становились профессиональные качества и способности, проявленные в период обучения в академии. Для офицеров со скромным происхождением прохождение академического курса являлось наиболее обещающим средством к успешной карьере.

Такое положение обусловило наблюдавшиеся преимущественно в высших эшелонах военного командования отношения соперничества между службой Генерального штаба и представителями гвардейского офицерства. В гвардейско-придворной среде принято было ставить под сомнение значение военно-академической подготовки и профессионализм генштабистов. Типичная для этого круга оценка принадлежит генерал-адъютанту В.С. Кочубею: «Высшее начальство вооруженных сил России составлено из военных мандаринов, произвольно толкующих фантастическую науку, ничего общего не имеющую

с трагическим объектом современной войны»¹. В массе строевого офицерства военные бюрократы-генштабисты также не пользовались бесспорным авторитетом. Указывая на существующее в отношении их раздражение, генерал-майор Генерального штаба, профессора Николаевской военной академии Б.В. Геруа писал: «В строю не любили офицеров Генерального штаба... В этой неприязни к Генеральному штабу, ведшей к отчуждению от него строя, серьезную роль играло наличие в среде первого заносчивых людей, считавших себя после получения значка и аксельбантов, непогрешимыми... Офицеры этого типа держали себя самоуверенно, высокомерно и наставительно даже со старшими строевыми начальниками, а с младшей братией обращались небрежно, бестактно и даже грубо»². Тем не менее к началу Первой мировой войны высший командно-штабной уровень, если и не был монополизирован совершенно, то в основном контролировался офицерами Генерального штаба, более объединяемыми прагматическими взглядами и профессиональными интересами, нежели сословно-монархическими представлениями.

Начало войны ознаменовало беспрецедентный рост значимости и участия военных учреждений во всех сферах жизни страны. В силу исключительной важности задач обороны высшее военное командование получило огромное влияние на выработку внутренней и внешней политики государства, принятие административных и хозяйственных решений. В первую очередь это отразилось на системе государственного управления империи. Одно из центральных мест в ней заняла Ставка Верховного главнокомандующего, созданная для руководства армией на театрах военных действий. Наряду со Ставкой управление вооруженными силами продолжало осуществлять и военное министерство, в ведении которого оставались задачи укомплектования и снабжения армии, а также прохождение службы личным составом. Спешно подготовленное и принятое 16 июля 1914 г. «Положение о полевом управлении войск в военное время» не устанавливало подчинения военного министра Верховному главнокомандующему. Это заведомо создавало почву для определенного противостояния и конфликтов командования действующей армией с военными учреждениями тыла, а впоследствии и с правительственными структурами, что стало еще одной гранью в развитии общенационального кризиса.

В условиях неудовлетворительной работы тыла деятельность Ставки и лиц, ее фактически возглавлявших, приобретала характер постоянной борьбы с правительством за интересы действующей армии. По мере затягивания войны в среде высшего военного командования зрело убеждение в том, что существующий государственно-политический режим не ведет Россию и ее армию к победе. Подобная позиция была выгодна представителям генералитета, которые таким образом склонны были снимать с себя максимум ответственности за военные неудачи и состояние войск и возлагать его на правительство. Эти обстоятельства провоцировали политическую оппозицию в среде военной

---

¹ В.С. Кочубей, *Вооруженная Россия, ее боевые основы*, Рязь 1910, с. 26.

² Б.В. Геруа, *Воспоминания о моей жизни*, т.1, Рязь 1969, с. 150-151.

верхушки, которая, не будучи по сути антимонархической, ситуативно тяготела к либеральной фронде, не прекращавшей критику правящего лагеря. В 1916 г. среди руководства Ставки во главе с М.В. Алексеевым вынашивалась идея военной диктатуры, которая, однако, не могла найти поддержки на высшем государственном уровне. Характеризуя обстановку политического противостояния сложившуюся на рубеже 1917 г., дворцовый комендант, генерал В.Н. Воейков, чье мнение отражало взгляды придворных кругов, называл Ставку Верховного главнокомандующего в числе центров «революционного брожения»³. К моменту Февральской революции аппарат военного управления царской России был вовлечен в конфронтацию политических сил и поэтому уже не являлся надежной опорой власти на случай внутренних волнений.

Участие военно-бюрократических институтов и контингента многочисленных штабов и военных учреждений в революционных событиях февраля-марта 1917 г. представляется весьма противоречивым явлением. Важнейшей его составляющей следует считать ту определяющую роль, которую сыграла Ставка Верховного главнокомандующего в низложении Николая II. В разгар массовых протестов в Петрограде инициативу в политическом ориентировании первых лиц Ставки и самого императора перехватил Председатель Государственной думы М.В. Родзянко – лидер одного из центров противостояния правительственной власти. Обращаясь к М.В. Алексееву и Николаю II, Родзянко в качестве единственного выхода из кризиса настаивал на выполнении своего основного политического требования – созыве «ответственного министерства»⁴. Одновременно он предпринял зондаж главнокомандующих войсками фронтов, продублировав в их адрес телеграмму, предназначенную Алексееву. Генералы склонялись к мнению, что предполагаемые реформы не подрывали основ государственности, но послужили бы прекращению беспорядков, недопустимых во время войны. Таким образом, первые лица в Ставке и командовании фронтами находились в непосредственном контакте с думскими лидерами и готовы были к соглашению с ними.

После отъезда императора ранним утром 28 февраля из расположенной в Могилеве Ставки в Петроград власть и возможности фактического главы действующей армии оказались сосредоточены в руках начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. От его решений теперь в огромной мере зависело то направление, в котором должен был разрешаться кризис. Считая превыше всего интересы фронта и продолжения вооруженной борьбы с врагом, Алексеев считал, что никакие политические уступки Думе не таят в себе той опасности, какую в военное время может представлять внутренняя усобица. За сутки политическая позиция Ставки и в первую очередь Алексеева значительно активизировалась, но при этом, выступая на стороне Родзянко, он четко обозначал мотивы, которые имели скорее профессиональную

---

³ Patrz: В.Н. Воейков, *С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II*, Helsingfors 1936, s. 175.

⁴ „Красный архив“, 1927, № 2, s. 5-6.

природу. Главными обстоятельствами, которые тревожили генералитет, были вовсе не перемены в высших правительственных эшелонах, а последствия революционного переворота и внутреннего противостояния для действующей армии, промышленности, транспорта, ставившие под сомнение возможность продолжения войны.

Как известно, царский поезд не был пропущен к столице и только вечером 1 марта прибыл в Псков, где находился штаб Северного фронта. С этого момента военные вышли на первое место по значимости воздействия на Николая II. Если из Ставки усилия по выбиванию из царизма политических уступок координировал лично Алексеев, то практически исполнял его указания в Пскове главнокомандующий войсками Северного фронта генерал Н.В. Рузский и чины его штаба. Именно Рузскому удалось добиться от царя сначала согласия на созыв «ответственного министерства», а затем и на отречение от престола. Особого внимания заслуживает тот факт, что проекты соответствующих императорских манифестов были подготовлены в Штабе Верховного главнокомандующего под руководством генерал-квартирмейстера Ставки А.С. Лукомского.

Прагматичный профессиональный взгляд среди представителей высшего командования или, по крайней мере, в кругах близких к Алексееву, со всей очевидностью возобладал над соображениями преданности лично монарху. Всего за двое суток с момента отъезда императора, Ставка совершила эволюцию от лояльной исполнительницы царской воли до активного помощника Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства. Чтобы повлиять на решения Николая II Алексеев и его ближайшие сотрудники сумели мобилизовать такие возможности, какими думские деятели, конечно, не располагали. В организации царского отречения позиция и поведение высшего командования действующей армии в кризисный момент сыграли решающую роль.

В Петрограде главной опорой правительства в случае начала волнений являлись войска столичного гарнизона, которые почилились командованию и штабу Петроградского округа и военному министерству. Согласно плану, разработанному и введенному в начале 1917 г. министерством внутренних дел, возглавляемым А.Д. Протопоповым, в случае масштабных беспорядков в столице руководство всеми мероприятиями по их подавлению передавалось военному командованию с подчинением ему всех полицейских сил. В дальнейшем этот план критиковал опытный жандармский генерал А.И. Спиридович, указывая на то, что защита порядка в столице оказывалась в руках войсковых начальников и штабов, не знакомых с полицейско-административной службой и спецификой борьбы с уличными беспорядками⁵.

Наиболее высокопоставленными воинскими начальниками в Петрограде являлись военный министр генерал М.А. Беляев – четвертый военный министр за время войны, занявший на этот пост с 3 января 1917 г. при явном участии императрицы, и главнокомандующий войсками Петроградского военного

---

⁵ Patrz: А.И. Спиридович, *Великая война и февральская революция 1914-1917 гг.*, Moskwa 2004, s. 510.

округа генерал С.С. Хабалов – до недавнего времени военный губернатор Уральской области. Назначение этих лиц на столь ответственные должности вполне отражало кризис кадровой политики царизма: их предшествующая служба проходила на штабных и военно-административных постах и оба, по сути, являлись военными бюрократами, не подготовленными к тому, чтобы возглавить войска в сложной обстановке.

Приказ о назначении частей гарнизона для охраны порядка в городе был отдан 13 февраля, накануне открытия заседаний Государственной думы и ожидавшихся в связи с ним беспорядков. В последующие дни, согласно «первого положения» упомянутого выше плана, руководство войсками, выделяемыми на помощь полиции, сохранялось за гражданскими властями в лице петроградского градоначальника генерала А.П. Балка. Только с началом массовых выступлений населения Петрограда, после полудня 23 февраля, последовал приказ на передачу охраны порядка и спокойствия в столице военным властям. Непосредственное руководство войсками возлагалось на исполняющего должность начальника войсковой охраны Петрограда полковника В.И. Павленкова. Он и его штаб разместились в здании градоначальства на углу улицы Гороховой и Адмиралтейского проспекта, здесь же находились генерал Хабалов и начальник штаба округа генерал М.И. Тяжельников. Связь с начальниками войсковых районов и полицмейстерами осуществлялась по обычному городскому телефону. В первые дни восстания все руководство сводилось к телефонному обмену информацией и личным докладам начальников войсковых районов, которые происходили ежедневно около 22 часов⁶. Ни генерал Хабалов, ни военный министр Беляев и уж, тем более, начальники рангом ниже не готовы были взять на себя ответственность за решительные действия.

Поступившая вечером 25 февраля в адрес генерала Хабалова телеграмма Николая II из Ставки категорически требовала прекращения беспорядков в столице самыми решительными мерами. В результате около 22 часов Хабалов все же отдал начальникам районов войсковой охраны приказ – при неповиновении открывать огонь по демонстрантам. Тем не менее, несмотря на применение войсками оружия, 26 февраля властям не удалось изменить обстановку в свою пользу. Более того, в этот день произошли первые случаи столкновений войск и полиции и войсковых команд между собой. Вечером того же дня начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев докладывал Хабалову о том, что войска ненадежны, но тот в ответ с раздражением заявил, что не может этому поверить⁷. Впоследствии очевидцы отмечали, что Хабалов либо легкомысленно недооценивал события, либо намеренно пытался скрыть их сущность в докладах вышестоящему командованию. В пользу этого говорит и содержание телеграмм Хабалова от 25 и 26 февраля в Ставку, которые, вне всякого сомнения, докладывались царю. В них автор, фиксируя внимание на

⁶ Patrz: Е.И. Мартынов, *Царская армия в Февральском перевороте*, Leningrad 1927, s. 70-71.

⁷ Patrz: К.И. Глобачев, *Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения*, Moskwa 2009, s.121.

частностях, уходит от серьезных оценок масштабов и опасности происходящего⁸. В результате, о развитии событий в Петрограде Ставке становилось известно благодаря телеграммам Председателя Государственной думы М.В. Родзянко, преподносившего сведения в выгодном для себя свете, с выгодными для себя комментариями и умозаключениями. Таким образом, Хабаловым, наряду с военно-исполнительной, упускалась и политическая инициатива.

С началом восстания в частях столичного гарнизона 27 февраля командование Петроградским военным округом окончательно утратило способность управлять войсками и вынуждено было, прекратив сопротивление, сдаться новым властям. Ответственность за поражение правительственных войск в столице несомненно ложилась на высших воинских начальников. Их профессиональные и волевые качества и прежний служебный опыт не соответствовали тем требованиям, которые предъявила им обстановка. Восприимчивая революционные события более как военный конфликт, а себя как воюющую сторону, генералы не готовы были ориентироваться в политическом пространстве. Ни Хабалов, ни Беляев без соответствующего политического руководства не в состоянии были принять самостоятельное решение и взять на себя всю полноту ответственности: разгромить Думу, в которой они видели один из источников бунта, или подчиниться ей как легитимному государственному институту. С этим они вынуждены были признать свое поражение и сойти со сцены, но для абсолютного большинства офицерства, в том числе служащих в штабах и учреждениях, единственно возможным и закономерным решением становился выбор в пользу новой власти.

Организационный центр восстания в лице Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы, крайне нуждался в собственной структуре, которая бы координировала военную деятельность. Формирование такого штаба с известной долей стихийности и импровизации началось в структуре Временного Исполнительного Комитета Петроградского Совета. К вечеру 27 февраля в Таврический дворец, где работал Временный Исполком, прибыли подполковник Николаевской военной академии С.Д. Масловский и старший лейтенант флота В.Н. Филипповский – оба эсеры, принимавшие участие в создании революционных офицерских групп в 1905–1907 гг. Они присоединились к работе революционного штаба тех незначительных пока военных сил, которые имелись в распоряжении Совета и Временного комитета Государственной думы, для противостояния правительственным войскам.

Параллельно днем 27 февраля в Таврическом дворце была образована Военная комиссия Временного комитета Государственной думы, получившая также название «штаба» А.Ф. Керенского. По инициативе последнего в ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы объявил о назначении председателем комиссии и одновременно начальником гарнизона и комендантом Петрограда члена Временного комитета, Генерального штаба

---

⁸ „Красный архив“ 1927, № 2, с. 4-5.

подполковника Б.А. Энгельгардта. Это решение вызвало резкие протесты «советской» части штаба и офицеров-фронтовиков. Соглашение было достигнуто, когда Временный комитет заявил о согласии на то, чтобы Военная комиссия контролировалась Петросоветом. К работе в Военной комиссии Энгельгардт привлек ряд офицеров Генерального штаба: генерал-майора Г.Д. Романовского, полковников Г.А. Якубовича, князя Г.Н. Туманова, Л.С. Туган-Барановского, У.И. Самсон-Гиммельшерну, П.А. Половцова, подполковников В.П. Гильбиха, В.Л. Барановского. Переход этих офицеров на сторону Думы выглядел вполне буднично и, вероятнее всего, объяснялся корпоративными и личными связями. Один из них – начальник штаба Кавказской Туземной конной дивизии Половцов – всего двумя днями ранее представлялся в Ставке императору и завтракал за его столом. В мемуарах Половцов объяснял свое появление в составе комиссии Энгельгардта желанием участвовать в наведении порядка в столице. Аналогичную возможность в рядах правительственных войск автор по какой-то причине проигнорировал⁹.

С.Д. Масловский замечал, что с увеличением числа офицеров в комиссии, ограничивалось влияние «советских» представителей в ней. Быстро менялась и ее организация, 28 февраля в составе Военной комиссии работало 7 отделов, а спустя несколько дней их число достигло 14¹⁰. Вскоре штаб восстания уже трудно было узнать: «Чинно, в высочайше-утвержденном порядке, стояли квадратиками неведомо откуда взявшиеся канцелярские столы. Несколько франтоватых писарей и две-три кокетливых, как полагается переписчицам, девицы с коками набекрень и затыканными гребеночками затылками, – уже стучали на машинках. Поблескивая погонями и аксельбантами, раскладывали на столах обертки «дел» новые, чужие, не виданные за эти ночи во дворце, на пробор расчесанные, гладенькие, бритые люди...»¹¹ Так, с ростом влияния Временного комитета Государственной думы его Военная комиссия постепенно перенимала функции штаба Петроградского военного округа, приобретая при этом привычный вид военно-бюрократического учреждения.

В ближайшее время военно-административный аппарат в столице и провинции после нескольких дней неопределенности вполне мирно перешел под контроль новой власти. Характерным представляется рапорт в штаб Московского военного округа от Новосильского (Тульская губерния) уездного воинского начальника подполковника Якубовича от 16 марта 1917 г.: «Доношу, что объявление воинским чинам о свержении старого и вступлении во власть **НОВОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА** всеми офицерами и солдатами принято с восторгом... По обезоружении городской полиции, 2 марта солдаты подведомственных мне команд по моему приказанию приняли на себя

⁹ Patrz: П.А. Половцов, *Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году)*, Moskwa 1999, s.21-23, 25.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив [dalej: РГВИА], zesр. 372, inw. 1, sygn. 22, k. 102-104.

¹¹ С. Мстиславский, *Пять дней. Начало и конец Февральской революции*, Berlin – Petersburg – Moskwa 192, s. 43-44.

наблюдение за порядком по городу, а также охрану Уездного Казначейства, Почтово-телеграфной конторы, Земской кассы и других учреждений... На верность службе РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ и повиновение ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ офицеры и солдаты совместно со мной приведены к присяге 12 сего Марта, после чего войскам Новосильского Гарнизона был произведен парад, по окончании коего была в городе манифестация с пением»¹². Так, в центре и на местах военные бюрократы с известным рвением начали служить новой власти не столько сочувствуя ей, сколько стремясь сохранить свое положение в системе государственной иерархии.

На фоне политического переворота февраля-марта 1917 г. военно-административный аппарат обнаружил противоречивые тенденции и прецеденты, отражавшие кризисное состояние российской государственности. Ставка, будучи наиболее влиятельным органом военного управления, в сложной обстановке выступила как самостоятельный актер, готовый вести собственную политическую интригу. В противоположность тому, в Петрограде военное министерство и командование военным округом оказались не способны успешно руководить войсками в борьбе с восстанием, утратили контроль над ними и таким образом показали свою несостоятельность не только в политическом, но и в военно-профессиональном отношении. Военные учреждения и штабы по всей России, в период переворота склонны были занимать выжидательную позицию, но немедленно подчинились Временному правительству, как только стали определяться итоги внутреннего противостояния. Таким образом, новая российская власть практически целиком унаследовала прежние военно-бюрократические структуры со всеми их характерными чертами, проблемами и пороками. Подобный сценарий предопределил образ поведения органов военного управления в условиях развития революционного процесса. Несмотря на то, что наиболее авторитетные военачальники постепенно составили самостоятельное крыло антидемократической оппозиции Временному правительству, а затем возглавили вооруженное сопротивление Советам, военно-административные органы не стали соучастниками их борьбы с центральной властью. Будучи генетически частью правительственного аппарата, они более ориентировались на политическое руководство, адаптируясь к новым условиям и формам государственного бытия.

---

¹² РГВИА, зesp. 1606, inw.2, sygn. 962, k. 230.

Streszczenie

Igor Grebienkin

Wojenna biurokracja a rewolucja 1917 roku w Rosji

Artykuł traktuje o roli jaką odegrały wojskowo-biurokratyczne instytucje carskiej Rosji w wydarzeniach rewolucyjnych z lutego 1917 r. Znacząca uwagę poświęcono miejscu Sztabu Głównodowodzącego w systemie zarządzania państwem w okresie I Wojny Światowej i przebiegowi konfliktu dowództwa wojskowego z politycznym kierownictwem kraju. Autor analizuje stanowisko różnych struktur i poziomów zarządzania wojskowego wobec przewrotu państwowego.

Summary

Igor Grebenkin

Military Bureaucracy and Revolution of 1917 in Russia

The article is devoted to the part the military-bureaucratic institutions of the Imperial Russia played in the revolutionary events of February 1917. Considerable attention is focused on both: the role of the Supreme Commander's Headquarters in the system of the State management during World War I, and the origin of the conflict between the military leaders and the political leadership of the country. Positions of various structures and social groups of military leaders in the coup d'état are analyzed.

